

Глава 1

Адриенна

Как уж там в столице, девушка не знала. А в Сиблевране зима выдалась снежная, ветреная... выглядываешь из окна — и видишь сугробы, сугробы, а потом опять и снова сугробы. Красивые, белоснежные, большие — и непроходимые хоть для конного, хоть для пешего.

А еще над сугробами летит поземка, срывает у них макушки, закручивает снежную крупу, и видятся в ее полете то облака, то драконы, то мифические герои...

Красиво. На это можно смотреть часами из окна. А потом пойти и погреться.

В такие дни приятно сидеть у очага, протягивать к огню руки, о чем-то разговаривать с близкими людьми, может быть, отпивать маленькими глоточками горячий глинтвейн — не ради алкоголя, просто для настроения. Можно и ягодный взвар, тоже вкусно.

Раньше Адриенна так вечера и проводила. А сейчас вот появление эданны Сусанны поделило Сиблевран на две части. И в одной остались эданна, ее муж и сын. А в другой сама Адриенна. И дан Рокко, который любил составлять ей компанию.

«Хотите верить, дана, хотите — нет, — как-то сознался он в приступе откровенности, — хорошо рядом с вами. Словно солнышко греет. И легче становится. Я ведь помирать готовился, а сейчас чую — еще лет пять, но про-

живу. Глядишь, еще и на вашей свадьбе погуляю, коли позволите».

Что могла ответить на эту откровенность Адриенна? Сказать, что так проявляется кровь Морганы? Что она — свет, здоровье и счастье для своих людей? И пока дан Рокко на ее землях, он тоже под ее защитой? Лучше уж не рисковать. Она просто от души порадовалась за хорошего человека.

Зима...

Что может выгнать человека из дома в такую погоду?

Нужда, беда, болезнь и голод. То, с чем лучше не стелкиваться.

Никто и не ждал, и не гадал, но когда в ворота замка постучали... открыты, конечно, пришлось. Не сами ворота, калитку, ворота так замело, что часа два расчищать придется. Что еще остается? А уж когда из телеги выбралась измученная женщина с мальчиком и оба упали на колени почти посреди двора...

Кое-как зашли — и силы кончились. Само осознание, что они здесь, что добрались, что в безопасности... Впрочем, в безопасности ли? Им просто очень повезло.

Адриенна как раз была занята на конюшне, но голос эданны Сусанны расслышала бы через любые стены.

— Это что еще такое?! Кто позволил привезти эту грязь в мой замок?! Выпороть всех!!! И выкинуть!!!

Как не выйти ради такого?

А еще — ради унижения эданны Сусанны. Злила она Адриенну и раздражала, до бешенства, до белых глаз, до стиснутых кулачков. И Адриенна с удовольствием делала эданне гадости при первой же возможности.

Сусанна в долгу не оставалась, война раскручивалась, втягивая в себя новых и старых обитателей Сиб-Леврана, и сейчас намечалась очередная битва.

Услышав шум, Адриенна поплотнее закуталась и выглянула во двор. Не любила она холод. Вот не любила — и все тут! Но кони ждать не будут, показалось старшему

конюху, что у гнедого подозрительная проплешина... ага, подозрительная!

Если даешь коня идиотке — так хоть оседлай по-человечески! Конечно, один из ремней и натер...

Адриенна ругалась, смазывая воспаление специальной мазью. Конюхи почтительно внимали, хотя ничего крамольного девушка не говорила — не подобает. Но хозяйка ведь!

И как коней понимает!

Ходили в их среде слухи, что есть, мол, *конское слово*.

Кто его знать будет, того все лошади будут слушаться, словно родного. Вот не иначе как его дане и шепнули. К ней любой конь бежит, разве что хвостом не виляет! Вызвать бы, да кто ж поделится? И на том спасибо, что дана сама ручки запачкать не брезгает!

Адриенна натолкнулась взглядом на Рино — парня из деревни, который подрабатывал извозом. И на две фигурки посреди двора.

Такие... безнадежные.

Женщина прижимала к себе маленького ребенка, словно закрывая от гнева эданны Сусанны, а тот уткнулся в ее одежду. Вцепился, притих...

Это же мама!

Она его от любой беды защитит, правда?

Только вот и мама на ногах чудом Божьим держится, и малыш скоро свалится...

Ругаться на дворе Адриенна не стала.

Наклонилась.

Снежок так удачно скруглился в ладони... и прямо-таки в цель уложился, сбив с эданны кокетливую меховую шапочку.

Та заткнулась на полуслове. Да никто и не спешил ни хватать, ни пороть... это еще чей тут замок? И что дана Адриенна скажет? А пуще того — дан Рокко? Дан Марк — тот жене потакать будет, так он ведь и не хозяин. До конца-то...

— Ай! — неблагородно взвизгнула эданна. Развернулась — и получила вторым снежком в грудь. Надо бы в лицо, да Адриенна промазала побоялась, выбрала цель покрупнее. Хорошо еще, первый раз попала, куда целилась!

И словами добавила. Так, для доходчивости:

— Не смей распоряжаться в моем доме!

— Ты! — взвизгнула эданна.

Она бы с удовольствием поругалась на тему «кто в доме хозяйка», но Адриенна уже не обращала на нее внимания. Она быстрым шагом шла к женщине с ребенком.

— Имя?

— Эданна Джачинта Леони. Мой сын — дан Анжело Леони.

Адриенна кивнула. Кто это такие, чего им надо — потом разберемся. И так понятно, что они сюда явились не от хорошей жизни. И расспрашивать их посреди двора — скотство. Поэтому...

— Вы измучены и не стоите на ногах. Рино!

— Слушаю, дана? — подскочил возчик.

— Видишь — эданна на ногах не стоит? Сопроводи ее в залу, сам иди на кухню, выпей горячего и скажи кухарке, пусть найдут тебе место переночевать. Ну и ужин, конечно. На сколько вы договаривались?

— Так это... четыре сольди.

— Эданна их отдала?

— Нет пока, дана Адриенна.

Адриенна молча достала из кармана серебряный дарий.

— Тебе. Чтобы не трепал зря языком. И лошадку устрой, через калитку она пройдет, а пока ворота откопают... сам видишь!

Надо бы откопать. Но припасов хватало, последний подвоз был чуть не десять дней назад, следующий — еще дней через пять, Адриенна и махнула рукой. Чего

их каждый день откапывать? Тогда уж один раз почи-
стят... ладно, теперь — два.

— Спасибо, дана!

Рино аж подскочил на месте, подхватил на руки мальчишку, не особо вежливо толкнул под локоть пассажирку, чтобы та вцепилась в его плечо, и потащил обоих в залу. Благо преотлично знал и что, и где. Не раз грузы возил.

Адриенна повернулась к эданне Сусанне.

Хотелось сказать многое. И что не стоит распоряжаться в чужом доме, и что эданна здесь никто, и что придет пора, она отсюда вылетит как пробка... Да, и обозвать ее покрепче тоже хотелось.

Вместо этого Адриенна прищурила глаза:

— Еще один такой случай — урежу содержание.

— Не посмеешь!

— Еще как. Это мой замок. Мои люди. Мое право. Не понимаешь словами, будем разъяснять лоринами.

Эданна Сусанна аж задохнулась от возмущения.

Она зачем замуж выходила?!

Чтобы поместье, чтобы деньги, чтобы спокойствие... и что?! Какая-то сопля ее самого ценного лишает, понимаешь! И ведь ничем ее не остановишь.

Адриенна не стала ждать, пока эданна отплюется от застрявшего в горле возмущения. Она прошла в замок, в общую залу.

Там было жарко и уютно, горел огонь в большом камине, а гостя и ее сын уже сидели неподалеку от очага, на удобных лавках. И в руках у них были чашки с бульоном.

Рози хлопотала вокруг, приговаривая, что сразу после долгого голода много кушать нельзя, так что пусть эданна не упрямится. И молочка им горяченького нельзя, а вот простоквашка вкусенькая на кухне есть. Ее на ночь точно можно, и сыра кусочек...

Гости сосредоточенно пили.

Адриенна пока приглядывалась.

А красивая гостья. Среднего роста, но хорошо сложена, волосы рыжеватые, глаза большие, карие, личико бледное, сейчас настолько, что веснушки на переносице выделяются четко и ясно.

Мальчик?

Ее копия. Только у матери волосы рыжие с каштановым оттенком, а у него каштановые с легким уклоном в рыжину. Лет пяти-шести на вид. Симпатичный, но худой, аж на просвет видно. И одеты они не так чтобы дорого. Тепло, добротнo, но это крестьянская одежда. Шерсть, сукно, кожа...

Даны предпочли бы бархат, меха... здесь этого нет.

И все же Адриенна косу готова была дать на отрезание — это дана. Она не лжет.

Но почему здесь и в таком виде?

Адриенна дождалась, пока гости выпьют бульон, и только тогда присела напротив.

— Эданна Леони? Мое имя Адриенна СибЛевран. Вы сейчас гости в моем замке. Добро пожаловать.

И так это прозвучало для измученной невзгодами женщины...

Успокойтесь. Вы в безопасности. Я помогу...

Джачинта всхлипнула — и едва не залилась слезами. Адриенна помешала, вовремя заметив опасные признаки. Вот не надо сейчас истерики, сначала расскажите, зачем приехали, а потом плакать будете.

— Эданна, минуту.

— А?

Тон у хозяйки был такой, что остановился бы даже конь на всем скаку.

— Эданна, сначала объясните мне, что привело вас в СибЛевран. А потом я устрою вас на ночлег — и вы сможете дать волю слезам. Пока же не пугайте сына.

Другие бы слова, может, и не подействовали. Но сын!

Ради него Джачинта позволила бы себе руку отпилить! А уж сдержат истерику... какую еще истерику? Она спокойна! И слез никаких нет, и голос не дрожит, вот!

— Мое девичье имя Джачинта Вентурини.

Тут Адриенне и гадать не пришлось:

— Вы дочь дана Рокко?

— Да...

— М-да...

Адриенна подумала, что дане (эданне) явно не повезло. За стол с гостями ей точно садиться не стоит. Это ж надо так подгадать?

В любой другой день, в любое другое время дан Рокко прекрасно бы и увидел, и услышал дочь, и отвратительной сцены во дворе не случилось бы. Но вчера дан переоценил свои силы.

То ли перегулял, то ли оделся недостаточно тепло... в результате его свалила вульгарная простуда, которая проявилась уже вечером соплями, чиханием и легким жаром. Кто-то и лечиться бы не стал, начихав на болезнь, но дан Рокко себе такой вольности не разрешил. Не с его здоровьем. И он лежал в кровати. Пил подогретое вино с травами, спал...

Не слышал он ничего по техническим причинам. И окна его не туда выходили, и скорее всего он именно что спал.

— Что с отцом?! Он жив?! Умоляю!!!

— Жив, здоров... то есть не вполне здоров. Простыл вчера. Марко!

Долго звать и искать не пришлось.

— Что, дана?

— Слетай к дану Рокко, спроси, может ли он принять гостей? Важных? И уже взглядом оцени состояние. Если ему плохо, то цыц! Не смей тогда ничего говорить до завтра-послезавтра! Дочь там, не дочь... дан Рокко Вентурини Адриенне был дороже неизвестной эданны с ее интересами и проблемами.

Марко все понял и умчался. Адриенна погладила бедолажную эданну по руке:

— Успокойтесь. Мы вас в любом случае не выставим на улицу. Вы в безопасности.

— Я...

— А вот о ваших делах сначала стоит рассказать отцу, — строго осекла Адриенна.

Эданна Леони оглянулась, увидела эданну Сусанну, которая входила в зал с видом королевы в изгнании, и опустила ресницы. Поняла...

— *Это* еще здесь?

Действительно, рядом с Сусанной, которая была облачена в верхнее платье из бархата винного цвета и нижнее из кремовой тонкой шерсти, Джачинта казалась замарашкой и побирушкой.

— Обязательно скажу дану Вентурини, как вы уважительно отнеслись к его дочери, эданна, — парировала Адриенна. И повернулась к Марко, который влетел в зал.

— Можно, дана.

— Идемте, Джачинта. Идем, Анжело.

Гости поднялись и послушно отправились за хозяйкой.

Оставлять родственников наедине Адриенна не собиралась. Пусть сначала дан Рокко ее об этом попросит.

* * *

Дан Рокко таких глупостей говорить не собирался. Он отлично понимал, что Адриенна его главный друг и союзник. Более того, она хозяйка замка. Здесь ее право — и его сила.

Что бы ни случилось с его дочерью — расхлебывать им совместно. А удачно ли расхлебается?

Это и от Адриенны зависит во многом.

Поэтому дочь он встретил улыбкой:

— Чинта! Анжело!

И обернулся к Адриенне:

— Дана Риен, я надеюсь, вы нас не бросите? — И снова дочери: — От Риен у меня секретов нет.

Джачинта покосилась на дану, но поняла, что выбора у нее тоже нет.

— Папа... ох, папочка...

— Что случилось, Чинта? Не трать время на слезы, рассказывай...

Джачинта усилием воли взяла себя в руки. Вытерла те капельки, что уже брызнули из глаз, и коротко так, часа на полтора, поведала свою историю.

Адриенна слушала.

Терялась, конечно, в подробностях, но слушала.

Анжело поступил умнее всех. Он залез на кровать, под бочок к деду, да и придремал там. Тепло, сытно, спокойно — что еще надо малышу? Только ощущение безопасности. Комната, где звучит и мамин голос, и голос деда, где обнимают надежные сильные руки, где нет снега, холода и страха. Сегодня он будет спать без кошмаров.

Если выжать из истории всю лишнюю воду, она была проста, как тряпка.

Джачинта была замужем за даном Леони. Тоже, кстати, Анжело, сына назвали в честь отца. Но во время эпидемии (тут виновато опустила глаза Адриенна) дан Леони умер.

Дан был не из бедных, но и не из богатых. Поместья у него не имелось, а вот дом в городе и паи в торговых делах — были. И был младший брат.

Бартоломео Леони.

Дальше ситуация развивалась, увы, по печальному варианту.

Если кто-то и бывает столь благороден, что приютит вдову брата с ребенком или детьми, поможет, позаботится, поддержит...

Бывает, кто бы спорил! Хороших людей у нас много.

Но вот Бартоломео к ним никак не относился. Понятно, все состояние по завещанию отходило Анжеломладшему. Но!

А если Анжело не доживет до совершеннолетия?

Второго племянника у дана Бартоломео нет. А Джачинта... а ее можно и того... жениться можно. Будет у нее еще трое детей, мигом о первенце забудет, по принципу: «Бог дал — Бог взял».

Это если вкратце. А если описывать все поползновения Бартоломео в сторону молоденькой вдовы, все его домогательства, все попытки убить Анжело...

А попытки были.

Не впрямую, нет.

Но открыть у ребенка окно, когда тот болеет, — запросто.

Предложить покататься на лошадке, на которую и взрослому садиться страшно...

Сводить на ярмарку и потерять... чудом малыш нашел дорогу. Чудом Господним...

После ярмарки Джачинта и поняла, что рано или поздно ее сына изведут. Не одним, так другим способом. До того еще можно было что-то списать на глупость или случайность. А вот на ярмарке... три раза случайности — это уже закономерности. Сообразив это, Чинта решила не оставаться рядом с подлецом.

Благо дело происходило в столице. Отец уехал, но куда — она отлично знала. Подготовилась, взяла деньги и драгоценности, что попали под руку, — и вперед. К сожалению, попало ей мало, потому что Бартоломео все держал у себя, в тайнике. Но хоть что-то...

Джачинту гнал вперед страх за сына.

Деньги она, увы, не рассчитала. Там пришлось заплатить больше, здесь... К тому же она не рассчитывала на благородство Бартоломео. Будут ее преследовать и искать?

Да обязательно!

На то, чтобы сбить погоню со следа, тоже нужны были деньги. Она наняла еще двух женщин с рыжими детьми, и все выехали из столицы в один день, только в разных направлениях. Две другие вернутся потихоньку. Джачинта — нет.

Дан Рокко выслушал весь этот слезоразлив. Подумал. А потом слез с кровати.

— Залезай, дочка.

— Отец?

— Ты сегодня спишь здесь. А я посплю на кушетке...

— Но...

— Ложись и спи. Мы тебя не выдадим, но обговаривать план действий будем завтра. Ты себя еще слишком плохо чувствуешь.

С этим Джачинта и не спорила.

Плохо? Это еще слишком мягко сказано! Отвратительно она себя чувствует, чудом еще на ногах стоит. Если б не сын, давно бы ее косточки под кустом вороны расклевали.

Она залезла под одеяло как была, едва скинув обувь, притянула к себе поближе сына, который почуял мать и уткнулся лицом в родную теплую грудь, — и уже через минуту в спальне сопели два носа. А дан Рокко вопросительно смотрел на Адриенну:

— Дана?

— Предлагаю поговорить у вас в кабинете, — махнула рукой Адриенна. — Пусть спят, не будем им мешать.

* * *

В кабинете Адриенна уселась в кресло и побарабанила пальцами по подлокотнику:

— Дан Рокко, у нас сложная ситуация.

— Это верно, дана.

— Давайте я все изложу, а вы мне объясните, где я не права. Итак, у нас есть ваши дочь и внук. Но опека над ними у Бартоломео. Вам ее никто не отдаст. Разве что

ехать в столицу, кидаться королю в ноги... Теоретически я могу попросить. Но практически — когда дойдет мое письмо? Что потребует его величество за свое покровительство? И... кто будет первым? Бартоломео или письмо?

— Я бы поставил на Бартоломео. Я его видел... он неглуп и достаточно настойчив.

Адриенна продолжила барабанить пальцами:

— Тогда сложности увеличиваются. Если он приезжает и требует отдать ему Чинту — мы вынуждены отдать. Так?

— Особенно если он сразу приедет со стражей. Он может.

— Люблю умных врагов. На обед. Что мы могли бы сделать? Первое — король. Но время, время...

— Согласен.

— Мы все равно напишем его величеству, изложим эту ситуацию. Но решение придется принимать раньше. Не говоря уж о том, что у нас в тылу предатели. Эданна Сусанна и глазом не моргнет, даже если вашу дочь у нее на глазах удавят. Кстати, за похищение сына и наследника от его опекуна... что Чинте полагается?

— Три года тюрьмы.

— Вообще замечательно. Плюсуюем еще и шантаж. Мой отец, Леонардо... никто не вступится. Так что вариант с королем отпадает. Можно бы спустить на вашего... Леони собак. Или волков.

— Увы, это вряд ли.

— Знаю. Силовое решение проблемы мне недоступно. — Адриенна даже порадовалась себе. Вот как она уже выражается! Не зря дан Рокко ей законы вдальблывал. — Не в моем возрасте. Увы.

Было у нее подозрение насчет волков. Но... страшновато.

Допустим, она пойдет в лес. Найдет там волков. И даже поймет, что им надо. А волки точно поймут, что

Ей от них надо? Или предпочтут слопать того, кто поближе? Адриенна не считала серых хищников дураками и рисковать не желала.

— Согласен.

— Мы могли бы выдать вашу дочь замуж. Но вашего внука это из-под удара не выведет.

— Увы.

— Мы в тупике?

— Практически, дана, практически.

Адриенна подняла брови:

— То есть?

— Существует вариант, при котором Бартоломео сам отказывается от опекунства.

— У нас нет таких рычагов давления. Или есть?

— Я попробую, — с сомнением сказал дан Рокко. — Кое-что у меня есть, но подозреваю, этого будет мало для полноценного шантажа.

Адриенна сосредоточенно думала. Вспоминала законы.

— Минутку, дан Рокко. Кажется... если Бартоломео сойдет с ума, его лишат опекунства? Безумец ведь не может быть опекуном мальчика?

— Нет. Но...

— Я знаю, есть травы, которые вызывают помутнение сознания. А у нас в деревне есть знахарка. Тетка Ата...

— Ага, — уловил дан Рокко. — Но ведь это ненадолго?

Адриенна покривилась:

— Странное поведение благородного дана должны удостоверить три благородных свидетеля. И у нас как раз они есть. Я, увы, не могу, но вы — можете. Мой отец может. Леонардо — может.

— Дана?

— А СибЛевран выдержит этот расход.

— Дана!

И столько благодарности было в голосе пожилого человека. Столько тепла...

Дан Рокко отлично понял, что сейчас сделала Адриенна. Она просто приняла его дочь, как свою. Поверила, подумала, как решить ее проблемы... мало?

Вот так, первый раз в жизни видя Чинту и ее сына. Это дан Рокко знал, что дочка не врет, а вот Адриенна этого знать не могла.

И все же — помогает.

Адриенна лукаво улыбнулась:

— Дан Рокко, предлагаю вам сегодня отдохнуть как следует. Завтра у нас будет тяжелый день.

— Безусловно, дана.

— Вы меня не поняли, дан Рокко. Нам предоставлять отчеты его величеству. А вам думать, как выкроить из бюджета деньги на взятки. Думаю, это не меньше двухсот лоринов...

Дан Рокко оценил:

— Спасибо вам, дана. Я отслужу. Клянусь.

Адриенна серьезно посмотрела на пожилого усталого мужчину:

— Я, Адриенна Сиблевран, принимаю вашу клятву. Обещаю не требовать от вас ничего, противного чести и совести.

И... показалось им?

Да чушь, конечно, кто б спорил! Зима же и ночь!

Но где-то там, далеко, за окном, хрипло и отчетливо каркнул ворон.

Мия

Что за зеркала, которые отражают метаморфов в их истинном облике?

Почему ее видно в серебряном зеркале мастера Сальвадори?

Кстати говоря — откуда вообще взялись метаморфы? Мать Мие так и не смогла ответить на этот вопрос, увы. А узнать очень хотелось.

Что творится на Линдано?

Куда вообще пропал знаменитый мастер?

Чье наследство распродает дан Джанмария Дуранте?

Вот на последний вопрос Мие было ответить легче и проще всего. Последнее время она не гуляла по городу: что она там забыла? Последнее время она охотилась.

Узнать, где находится особняк дана Дуранте, было несложно. Есть люди, у людей есть языки, у Мии есть деньги. Эти категории прекрасно сочетаются.

Мия не могла расспрашивать напрямую, дядя не понял бы. Но вот с утра потолкаться на рынке... понятно, не в своем облике.

Мия готовилась заранее, отрабатывая личину перед зеркалом. Обычным, не мастера Сальвадори.

Мальчишка-нищий получил на славу. Укорачивались и темнели волосы, становясь из золотых грязно-соломенными. Цвет глаз Мия сильно не меняла, ладно уж. Только разрез. Менялась форма губ — с полных на узкие и сжатые, нос — на длинный и хрящеватый, с приплюсненным кончиком.

Исчезли и так незаметные глазу округлости и выпуклости, а остальное придется корректировать одеждой. Здесь подложить, там уплотнить...

Одежду Мия менять на себе не могла. Большой минус для ее целей.

А как хорошо бы!

Одна мысль — и ты в платье! Вторая — и ты в штанах! Но, кажется, так даже прабабка не могла. Мама рассказывала, та использовала двусторонние платья, чтобы мгновенно поменять наряд. Скинуть верхнее платье, вывернуть — и уже внешность изменилась.

Пододевала под юбку штаны. Для той же цели.

Мия так пока не могла. Надо будет потом обсудить с дядей гардероб, а сейчас у Мии было только то, что положено юной дане из хорошей семьи. Если требовалось что-то сверх, дядя сам приносил одежду.

Мия над этим раньше не задумывалась, а вот сейчас, когда что-то понадобилось ей, да так, чтобы дядя не узнал...

А ведь она и правда у Джакомо как на ладони. Неприятное ощущение.

Мия решила подумать над этим потом, а пока узнать, что можно, про дана Дуранте. Но не успела и появиться на рынке. Дядя пришел к ней первым.

— Мия, у нас наметилось хорошее дело. Хочешь заработать денег?

— Сколько? — тут же уточнила девушка.

— Ну... лоринов сто.

— А что за дело?

— Недавно умер один из самых богатых людей столицы. Дан Кармело Мартино.

— И оставил наследство? — догадалась Мия. Хотя было бы о чем догадываться. Если человек умер, то за ним кто-то наверняка что-то да наследует.

— Наследство там невероятно богатое. Старик всю жизнь собирал антиквариат, у него была богатейшая коллекция, а наследник, мот и ничтожество, сейчас ее распродает.

— А как зовут наследника?

— Джанмария Дуранте.

Мия даже ахнула от неожиданности. И дядя тут же впился в нее глазами:

— Мия?

Девушка уже знала, что отпираться не стоит. А зачем? Что такого она сделала?

— Дядя, я просто недавно заходила в одну лавку. И купила там несколько приятных безделушек... вот, зеркальце, кулончик... хотела к нему еще серьги, спросила, кто продал украшение, и мне сказали про дана Дуранте.

— Что за лавка?

— Кажется, «Товары с кораблей», — сморщила носик Мия. — Не помню точно... показать могу. Сходим? От нефритовых сережек я бы не отказалась.

Джакомо улыбнулся и потрепал племянницу по голове. В тот день за ней как раз следили, так что про лавку он знал, но раз девочка рассказала все сама? Чего настаивать?

Обычный бабский поход по магазинам.

— Полагаю, серьги тоже есть. Ты не хочешь посмотреть дома у самого дана Дуранте? Обещаю, если они найдутся... никто тебе выворачивать карманы не станет.

Мия прищурилась:

— И как я должна это сделать?

— Сколько ты можешь удерживать личину? Уже часа два?

Мия кивнула.

На самом-то деле и больше, но тут многое зависело и от изменений, и от внешних условий... может, и больше. А может, и меньше. Красноглазое острозубое чудовище со змеями вместо волос (да, Мия изучала мифологию!) вообще продержалось минут пять, а головную боль по себе на весь день оставило. Хотя никаких змей там так и так не было, просто косички приняли такой вид. И не извивались, а просто лежали на плечах.

— Тогда нет ничего сложного.

— А можно услышать, что именно не составит для меня сложностей? — невинным тоном поинтересовалась Мия.

— Можно. У него в доме есть любвеобильная служанка. Кстати, не намного крупнее тебя. Недавно за ней начал ухаживать один из наших людей. Выманит дуреху, оглушим, потом ты переоденешься в ее одежду и вернешься в дом. Ночью, когда все будут спать, пройдешь по двору...

— Просто пройду?

— Собаки тебя боятся. Так что не тронут.

Мия хмыкнула:

— Я их тоже боюсь.

Джакомо понял все правильно.

— Мы это учтем, когда будем торговаться. Итак, ты открываешь дверь в дом, открываешь калитку и выпускаешь собак. Они убегают, мы заходим.

— А потом?

— Зависит от тебя. Если ты сможешь подсыпать людям снотворное, они не пострадают... почти. Зачем убивать тех, кто не сопротивляется?

— Всем наверняка не смогу, — задумалась Мия. — И за это только сто лоринов?

— На каждого из вас. Тебе, Энцо, девочкам.

— Дядя, прибавьте нолик. На каждого. И я соглашусь.

— Мия, за такую сумму нам проще нашуметь.

— Не проще, — сощурилась Мия. — Ограбить и убить дана? Искать будут тщательно.

— И что? Это случается регулярно. Даны тоже люди... и потом, это же не живые деньги! Это товар, который надо будет еще пристроить, реализовать так, чтобы не возникло проблем...

— А сто лоринов — это вообще курам на смех. Хорошо, девятьсот. На каждого.

Торговля продолжалась еще около часа. Сошлись на шестистах лоринах. На каждого из Феретти. Причем деньги в банк будут положены сразу же после завершения дела. ДО реализации добычи. И не надо рассказывать, что король Грязного квартала так обеднел! У него и в сто раз больше найдется, надо только потрясти правильно. Да и у вас, дядя...

Разговоров о своих деньгах Джакомо не любил. Так что они с Мией сошлись на указанной сумме, и Джакомо кивнул девушке на шкаф:

— Собирайся. Сходим в таверну из дешевых, посмотришь, кого тебе подменять придется. Послушаешь. Вот верхнее платье. Лицо — ньюра из небогатых. Плащ и обувь внизу.

Мия кивнула.

Белье она оставляла свое. И нижнее платье у нее было подходящее, из простого полотна, но теплое и уютное. А верхнее можно и это надеть.

Испачканное, с прилипшими к подолу кое-где водорослями, с брызгами гризи и рыбьей чешуи...

По одежде тоже можно многое узнать о человеке. Мия это изучала. Сейчас она девчонка из рыбацкой деревни.

Итак, укладываем волосы, как принято на побережье для незамужних, заплетаем косу, заматываем ее в узел на затылке, в него гребень, грубоватый, вырезанный из дерева... На гребень — платок. Сейчас холодно, и ньюры из небогатых поступают именно так. Даны обычно обходятся плащом с капюшоном. И муфтой. Даже небогатые... так принято.

Теперь начинаем менять лицо и тело. Тело — ладно. Можно пододеть кое-что с набивкой в нужных местах, Мия это уже сделала. Можно надеть башмаки на толстой подметке.

Лицо.

Меняется кожа — на загрубевшую, обветренную. Меняются глаза — на голубые, чуточку опухшие, глубоко посаженные, с поросычыми ресницами...

Меняется цвет волос. Теперь они непонятно-темные. И даже руки, которые о многом могут сказать понимающему человеку.

Теперь они с короткими толстыми пальцами, загрузившие, в цыпках...

Мия поморщилась и спустилась вниз.

— Великолепно, детка! — восхитился Джакомо.

И Мие стало приятно. Лесть, конечно. Но как же хорошо, когда признают твои заслуги!

* * *

Название таверны девушку позабавило. И кто их только придумывает?

— «Лиловая свинья». Забавно...

— Название должно быть звонким, броским и запоминающимся, — пожал плечами Джакомо. — Закон торговли. И вывеску нарисовать просто.

Мия хмыкнула.

Что ж. Действительно, «Принцессу эльфов» или «Королевскую милость» не каждый нарисует. А и нарисует — иногда лучше б не рисовали, убивать надо за некоторые художества.

А вот лиловую свинью — запросто. Об этом она и сказала Джакомо.

Дядя неожиданно развеселился:

— И такой случай был. Ты же знаешь, для оформления вывесок нанимают студентов?

— Знаю.

Раздеваться Мия не спешила. И без плаща останешься, потому как его здесь сопрут, и вообще — холодно. По ногам дует, ветер гуляет, от очага хоть и тепло, но его мигом выдувает из входной двери. Дешевая таверна, и этим все сказано.

— Так вот. Нарисовал один бездарный мазила короля. Не учел только, что король мимо проехал... это еще при Филиппо Втором было.

Мия задумчиво кивнула.

Историю династий Джакомо преподавал со своей колокольни. И Эрвлины у него представляли ну вовсе не благородными освободителями, как вещал ньор Луиджи. По словам Джакомо, имел место обычный захват. Даже не самый благородный... Что ж. Бывает всякое. Но первое время, пока Эрвлины не уселись прочно своим задом на чужой трон, они были особенно чувствительны к своему статусу.

— То ли у него король трехглазый получился, то ли шестиногий... сие уже истории неизвестно. Но только по названию и опознать можно было.

— Король обиделся?

— Еще как. Призвал и трактирщика, и художника, первого приказал выпороть, а со второго содрать шкуру и повесить над дверью той самой таверны.

— Фу.

— Говорят, художник орал, что он так видит и это его творческое... мировоззрение, что ли? Нет, не помню. Все равно дело закончилось содранной шкурой.

— Я не знаю о такой таверне.

— Она быстро разорилась. Да и не красит та история короля, вот и стараются не вспоминать.

Пока шел разговор, Джакомо проводил Мию к столу, заказал крабов, принес молотки, которыми надо было разбивать панцири, служанка приволокла плоски с маслом...

Минут десять дядя и племянница сосредоточенно жевали. Разбивали панцири молотками, вытаскивали кусочки мяса, окунали их в плоски с растопленным маслом...

Дешево, конечно. Зато горячо, вкусно и сытно, что и требуется местным клиентам. А потом Джакомо толкнул Мию ногой под стол.

Девушка обратила внимание на дверь.

Девушка, кавалер... все обычно и привычно. Вот на девушку и надо было обратить внимание.

Невысокая, лет пятнадцати, круглолицая, смешливая... явно из деревни... чья-то родственница? Если ее взяли в дом к дану, а не выкинули на панель?

— К тетке приехала. Ты смотри, не отвлекайся.

Мия кивнула.

И смотрела.

Как девушка улыбается, как поправляет прядку волос, как кокетливо стреляет глазками, как разговаривает, благо кавалер усадил ее неподалеку... Даже как натерты у нее щеки мелом и свекольным соком. И свеклой же намазаны губы, и сажей подведены брови. Жуть жуткая, но Мие так еще и легче. Под этой краской морды и не видно.

Зачем?

Мие притворяться два-три часа. Недостаточно просто один раз посмотреть. Надо послушать. Усвоить характерные словечки вроде «здоровычка» и «спасибки», посмотреть на жесты, улыбку, на то, как девчонка вроде бы кокетливо, а на самом деле ужасно глупо хлопает глазами...

Это надо впитать, усвоить, ей предстоит так делать. И Мия честно делила внимание между крабами и служанкой. И только когда та ушла, отвлеклась, заговорила с дядей:

— Как ее хоть зовут?

— Моника Амато.

Мия кивнула.

Что ж. Моника так Моника. Авось и не собьется. Операция была назначена через два дня.

* * *

Столица!

Моника млела от самого слова. От его музыки, от самого значения...

Сто-ли-ца!

Это не их убогие Верхние Пеньки! Это город! Это самый прекрасный город мира! И спасибо тетке — она здесь!

Да, уехать из деревни было хорошо. Там у нее перспектив нет. Никаких. Слово «перспектива» Моника, правда, не знала, но что жить там сложно, это уж факт.

И семнадцать детей в семье, и мамка, которая рожала, как не из себя, и отец, который впахивал, чтобы всю эту ораву обеспечить, но на земле легко не бывает. Работать приходилось со вторых петухов до темноты. Спать — как повезет. Кушать — тоже как повезет.

И на ней вся эта орава детей тоже висела. Старшая ж! Помощница маменькина!

Даже когда младшие подрастать начали, так новые появлялись! И вот несправедливость! У соседки четверо поумирали, а у них — все здоровы! Хоть ты сама подушкой накрывай!

Вечной мамашиной помощницей Монике быть не хотелось, и она нацелилась на Луку, сына старосты. Выйти б за него замуж — и горя не знать, нищеты не нюхать. Но кто ж знал, что он такой подлец?

В любви клялся, платочек подарил, ленту тоже... а потом и на сеновал позвал. Моника и сама не поняла, как там оказалась.

Наверное, потому, что иначе Лука ушел бы к Розке. А это уж вовсе недопустимо.

Увы, сеновал не оказался гарантией счастья. Моника поняла это очень быстро, когда от нее начали отворачиваться деревенские парни, да и девушки. Хранить секрет Лука тоже не счел нужным.

Отец вразумил рыдающую дуру вожжами, но что было делать дальше?

Ребенка не случилось — хоть в этом повезло. Но и замуж в деревне тоже теперь не выйдешь, разве что за нищего вдовца с детьми. Этого уже не хотелось Монике.

Становиться деревенской шлюхой?

Не то чтобы Монике был противен сам путь, но слишком уж неудобно. Вот в городе, говорят, за любовь и деньги дают, и золотые украшения дарят, и дома покупают...

А в деревне что?

Бабы волосы выдрать могут, а мужики разве что куль муки притащат — и будь тем довольна. Нет, так неинтересно...

Приглашение от тетки пришло как нельзя более вовремя.

Сначала тетка приехала в гости. Она уж лет двадцать как работала кухаркой у дана Дуранте. Раньше-то плохо было, денег у дана, считай, и не было, платил через раз, но хоть требовал немного. А сейчас дан разбогател, можно нанять себе помощницу, ну и как тут не порадовать своим?

Моника? А и пусть едет в город, раз в деревне жизни нет. У матери еще дочки подросли, найдется, кому по хозяйству помочь.

Тетка сразу предупредила, что, коли девчонка будет гулять, учить ее будут ухватом. Но и согласилась, что в городе про Луку никто знать не будет, жизнь устраивать надо, а мужиков обманывают с сотворения мира. Склянки с куриной кровью в первую брачную ночь никто еще не отменял. Авось кто и найдется? Подходящий для женитьбы?

Вот и гуляла Моника по городу.

И с Пьетро познакомилась... вот ведь как! Лука тому и в подметки не годился!

Пьетро был веселым, ласковым, подарил золотую цепочку, хоть и тоненькую, но золотую же! Если б мамка увидела и сестры... ой, нет! Не надо! Точно б отобрали!

В деревне никто таких дорогих подарков не делал. Даже у старостихи такого не было.

Но здесь же СТОЛИЦА!

Вот и сейчас Моника вырвала свободный часок и помчалась на встречу с любимым мужчиной. Интересно, куда ее сегодня поведут? Может, Пьетро ей предложение сделает?

А что? Неужто она хуже разных там городских?

Так, размышляя о своем, о женском, Моника и шла на встречу с Пьетро.

Вот и любимый мужчина. Улыбается, дарит ей цветок, обнимает... а потом Моника вдруг поняла, что в глазах темнеет.

Попыталась что-то сказать, шевельнуться — и не смогла. Просто потеряла сознание.

* * *

Пьетро, который вообще-то был вовсе не Пьетро, а Белка, один из подручных Комара, довольно улыбнулся.

Так-то... достала его эта девка до печенок, но коли надо, он потерпит. До поры до времени.

Удав гнилушки не сливает, если он сказал — значит, слушаться придется. Тогда и звенелки будут, и побрякушки, и дело делается. Это знали все подручные Комара.

И слушались.

Последнего, кто решил повыступать, вынесли за дверь со стилетом в глазу. Других недовольных не было. А вот, собственно, и Удав. И девка какая-то с ним. Так себе... тощая, невидная. Белка бы на такую не полез.

— Готова? — покосился Джакомо на тело Моники.

— Жива, дышит, — отчитался Белка. — Чего с ней будет?

— Надеюсь, ничего, — нахмурилась девушка. — Давайте ее раздевать...

Единственное, что позволила себе Мия, — это тонкая шелковая рубашка под самый низ. Вся остальная одежда была от Моники.

Белка наблюдал за этим с сомнением.

Ну, можно переодеть дану в одежду этой шлюхи. Но чтобы выдать одну за другую?

А вы павлина за ворону еще не выдавали? Они же так похожи, ну ТАК похожи! Обе — птицы.

Джакомо помог племяннице все надеть, расправить складки, затянуть и уложить. И поманил Белку за собой:

— Выйдем минут на десять.

— Как скажешь, Удав.

Белка и не собирался спорить. А когда он вернулся минут через десять...

Одна Моника, прикрытая старым плащом, лежала на полу, на соломе.

Вторая стояла над ней и улыбалась. Точь-в-точь как эта деревенская дурица!

— Матерь Божия! — не удержался Белка, который и в церкви-то никогда не был. Кажись, и не крестили его, кому оно на помойке надобно?

— Похожа, ми-илый?

Слова Мия растягивала точь-в-точь как Моника. И улыбалась так же. И даже локон на палец накрутила тем же жестом.

Белка суеверно перекрестился. Девушка подмигнула ему:

— Хорошая краска и парик — наше все!

Белка кивнул. Только вот... кому другому в уши чуши! А то он не видит ничего! А то он слепой!

Нет на девчонке ни грамма краски! Кроме свеклы и мела. Ну и сажи на бровях. Но черты-то!

Сама морда!

Не-ет... такое не подделаешь... нечисть какая, что ли?

Ох, страшно. Белка хоть и резал глотки, словно огурец на завтрак, хоть и лил кровь, как воду, все равно оставался достаточно суеверным парнем. И сейчас дал себе слово зайти в церковь.

Хоть крестик купить, что ли?

Или пусть святой водой попрыскают?

Но было, было у мужчины подозрение, что против этой нечисти ничего не поможет.

Джакомо проводил девушку почти что влюбленным взглядом:

— Хороша! Ты посмотри, как идет! Копия!

Белка послушно поглядел. Кивнул:

— Авось что и сработает. А с той чего делать будем?

— Или по горлу — и в воду, или в заведение мамыши Крюк. Комар сказал — лишь бы потом не всплыла.

— У мамыши не всплывет, — обрадовался Белка.

И быстро, пока Удав не передумал, пошел в комнату с Моникой.

Нет, не из сострадания. И не из милосердия. Просто задохлую девку никто и монеты не даст. Да еще потом труп тащи, да еще живот распарывай, к ногам что привязывай... Белка спокойно убивал, но убирать за собой не любил.

А вот если ее к мамаше Крюк...

Долго она там так и так не проживет, у мамыши бордель для *особых* клиентов. То есть вообще с особенными пристрастиями. Которые могут только или когда избивают, или когда душат, когда убивают... а Белка еще ее попросит особо позаботиться о девчонке.

Так что не больше месяца та протянет, может, вообще дня три-четыре.

Но монета ему за это капнет! А деньги Белка любил. Это он людей ненавидел, а вот лорины — его маленькая слабость. Цвет, звук... даже вкус. Его прелесть!

Хотя за эту деревню больше двух монет и не дадут. Но хоть так... все приятно.

И забегая вперед — примерно так и сложилось. Это в красивых сказках герой спасает девицу ДО использования, или случается землетрясение, благодаря которому девица бежит, или в нее влюбляется главный злодей.

А в жизни...

В жизни все проще и печальнее.

Бордель.

Клиент с интересными пристрастиями.

А потом — люк в подвале, который выходил прямоком на реку. Тела там исчезали совершенно бесследно. Разве что рыбы расплодилось...

Но ее там давно и щедро подкармливали. Так что... в деревне Монику никто не искал и не ждал, а в городе и искать-то было уже некому. Комару и его подручным в очередной раз все сошло с рук.

* * *

Мия прошла по улице.

Шаг она тоже поддельвала под семяющую походочку Моники. Вот и нужный ей дом. Ключи.

Собаки...

Собаки послушно заскулили, поджали хвосты и удрали в дальнюю часть сада. И как их потом выгонять прикажете?

Ладно, разберемся... кусок мяса вон взять, позвать, кинуть — и побегут как миленькие.

— Явилась? — встретила ее недовольным голосом тетка Моники. — Давай живо, тебя посуда ждет не переждет...

Мия молча кивнула и направилась к большому чану с замоченной в нем посудой. Да, вот такие обязанности были у Моники.

Мыть, чистить, убираться... тетка готовила, девчонка скребла все, на что взгляд упадет.

Тетка продолжала ворчать:

— Ишь ты, раскрасилась... учти — в подоле принесешь, так выкину взащей...

Мия не обращала внимания на ворчание. Она послушно оттерла посуду, потом перемыла кучу овощей, перечистила их на завтра...

Тетка отвязалась и замолчала.

Мия коснулась снотворного в кармане и подумала, что — увы. Ничего у нее не получится. Дядя хотел, конечно, без лишнего шума, но — как? Как вы это себе представляете?

В доме около десятка человек. Слуги, конюхи, псарь, сам хозяин... и все они будут есть или пить что-то одно и то же? Вряд ли.

Один способ усыпить всех окружающих у Мии был. Лютня. Но до нее еще добраться, на ней еще поиграть всласть, да и засыпают только те, кто слышит музыку. Тоже... она что — Крысолов из известной сказки?

Чтобы идти по дому, а все вокруг засыпали и засыпали?

Ладно, Крысолов за собой людей выманивал. Но ему ж и легче было! Он на дудочке играл! А вы поиграйте

на лютне — в движении? Посмотрим, какой у вас кошачий концерт получится!

Так что Мия послушно мыла, терла и ждала ночи.
И дождалась.

* * *

Конечно, спать пришлось на кухне, рядом с теткой. На узенькой лежанке, на матрасе, который по толщине мог поспорить с листом бумаги. Уснуть на таком?

Настолько Мия не устала, право слово.

Пришлось просто лежать бревном и ждать, пока уснет тетка. Вот та захрапела почти мгновенно. Мия поднялась.

Сейчас она выйдет во двор... да, надо кусок мяса с собой прихватить, вот оно, замариновано на завтра...

Девушка подошла к столу. Аккуратно достала нужное...
— Моника?

Тетка подняла голову. То ли от прохлады, Мия-то встала, а воздух холодный, одеяло тонкое, они, считай, друг о друга грелись. То ли Мия чем неосторожно брякнула...

Женщина еще ничего не видела, еще не понимала, что происходит, но далеко ли до шума?

Считай — пара секунд.

Тесак, которым резали мясо, словно сам собой оказался в руках у девушки. Движение, удар...

Мия целилась по шее, по шее и попала. А с перерезанным горлом, если что — не слишком-то и поговоришь. Не крикнешь, не поднимешь тревогу. Только вот и все остальное...

Кровь хлынула потоком. Голова женщины откинута назад, в разрезе показалось что-то белое, влажно хлопнуло... и нет. Сразу человек, которого так ранили, не умирает...

С бандитом было иначе, там Мия не видела, не смотрела. А вот здесь...

Убежать никуда не получится. И отвернуться тоже почему-то нельзя. И... эта женщина ничего плохого ей не сделала, она просто жила, работала, любила свою племянницу, а Мия... Мия ее...

Зрелище было настолько омерзительное, что девушка сначала проблевалась в углу, а потом опомнилась. И поняла, что личина с нее сползла, словно снег с крыши.

Так... вернуть на место.

Никто из дядиных подручных ее в настоящем облике не видел — и не надо. Даже туда, где лежала Моника, Мия пришла уже с частичными изменениями. Не тот цвет волос, не те глаза...

Дядя знает, и этого достаточно. Остальным уж точно ни к чему.

Тесак валялся рядом с убитой.

Мия вдохнула, выдохнула... вот сейчас ее затрясло. Бросить бы все, убежать...

Энцо.

Девочки.

Дядя...

Убежать-то можно. А вот что им дальше делать?

Если сейчас она сломается, если сейчас закричит, побежит... кстати — куда? С ней все равно все будет конечно. Она УЖЕ убийца, она уже заслуживает казни. Она уже преступила закон.

Ее не защитят. Единственный, кому она нужна, — ее дядя. И от него сейчас они все зависят. И она, и брат, и сестры. От его доброй воли.

Мысль о близких сработала не хуже любой нюхательной соли. Девушка резко провела ладонями по лицу, словно стирая что-то грязное, заставляя себя не думать, не помнить, вытащила тот самый кусок мяса, открыла кухонную дверь и вышла. Собаки сначала шархнулись, потом почуяли мясо, заскулили... псарь уже спал. Вот и ладненько. Мия спокойно, никого не встретив, дошла

до калитки, отворила ее — и выкинула туда мясо. И отошла подальше. В направлении псов.

Собачья логика была проста.

Здесь — гадкое и страшное существо. Которое даже не человек.

Там — вкусное мясо. И воля!

Какой пес не мечтает хоть раз удрать? И всласть поноситься, где захочется?

Тем более что...

Подручные Комара отлично видели и как открывалась калитка, и как вылетает на улицу мясо, и...

— Выпускай! — махнул рукой один из них.

Идеальное средство. Течная сучка.

Через десять минут ни в саду особняка Дуранте, ни в его окрестностях не осталось ни одной собаки. А мужчины серыми тенями заходили в калитку, скользили дальше, к особняку...

От Моника отлично было известно и сколько слуг в доме, и кто где ночует... Белка все выспросил. Прикинулся влюбленным ревнивцем, ну девка и повелась. Чего б нет?

А ты где спишь? А по ночам к тебе никто не пристаёт? А то небось у вас там и слуги, и стража, и конюхи... Моника разболтала и то, чего не знала.

Серые тени зашли в конюшню.

Серые тени зашли в дом.

В людскую, где спали слуги...

В покои, в которых жил дан Джанмария Дуранте...

Единственное место, в котором правки не требовалось, — это кухня. Жаль, но резня все же состоялась. Не оставлять же живых свидетелей?

Джакомо (а он зашел в числе первых) на кухне выговаривал Мию:

— Ты не могла их усыпить?

— Я дана вообще не видела, конюхи на кухне не появлялись, эта дура вышла к любимому после ужина, —

отрезала Мия. — Если б ДО — другой вопрос, за общим ужином можно и снотворное подсыпать. А так — не-реально.

— Грязно получилось, — вздохнул Джакомо. — Тихо, но грязно.

Мия равнодушно пожала плечами. Вот уж этот вопрос ее не волновал.

— Возьмите да особняк подожгите. И все.

Джакомо кивнул.

Понятно, они так и сделают. Идея хорошая... но сколько ж добра тут сгорит! Хотя самое ценное они заберут.

— Ты отсюда что хочешь взять? Может, какие побрякушки? Или еще что?

— Нефритовые серьги, если найдутся, — тут же напомнила Мия.

— Обязательно. Не в счет твоей доли добычи, обещаю. А еще?

Мия качнула головой:

— Я бы в библиотеке порылась, пока есть время. А так — неинтересно.

— Пока — есть. Комар людей сюда отрядил, выносить много чего будем.

И выносили.

Тащили мешками, тащили сумками и тюками... первым делом в сумки отправились драгоценности. Дана Дуранте сразу убивать не стали. Связали и сейчас аккуратно допрашивали. Аккуратно — не в том смысле, что его берегли. Чего с будущим трупом церемониться? У дана уже и ухо отвалилось, и несколько пальцев...

Аккуратно в том смысле, чтобы не орал. Зачем шум поднимать, людей беспокоить? Пусть спят, нечего мешать ночным трудягам. Им еще столько перетаскать предстоит!

Нашлись и деньги, и побрякушки, и кое-какие интересные шуршалки...

Мия в это время была в библиотеке.

Ее интересовали остров Линдано и мастер Сальвадори. И она не прогадала.

Именно в библиотеке она нашла толстенный гроссбух с записями, что, когда и у кого куплено. Странно?

Да ничуть!

Дан Дуранте в антиквариате вообще не разбирался, продавал ценности чуть ли не по цене материалов, а в книгу даже и не заглядывал. Какая разница, у кого и чего там дядька купил?

Да тьфу на него.

А книга? Так книга же! В библиотеку!

Почерк у покойного антиквара был четким и ясным, Мия листала странички... и чуть зубами не заскрипела.

Зеркало. М. Э. Сальвадори. Шкатулка из палисандрового дерева с инкрустацией перламутром. Набор курительных трубок.

Цена...

Продано — неизвестным. И циферка — один.

Учитывая, что напротив других предметов частенько стояло название лавки или фамилия продавца... значит, кто-то приходил один раз. Как поняла это Мия.

А кто, что...

Говорите, шкатулка?

Набор курительных трубок?

Покойный антиквар человеком был предусмотрительным. И даже описывал, что и куда дел. Напротив зеркала было помечено — главный зал, коллекция.

Напротив курительных трубок — курительная.

Напротив шкатулки — опять курительная. Ага, понятно. Трубки в шкатулке и лежали...

А где тут курительная?

Мия вышла из библиотеки, пошла направо, дергая по дороге все двери... по идее — рядом. Библиотеку, ка-

бинет, курительную — все это делают неподалеку. Вот и отлично...

Курительная нашлась через две двери. Роскошная...

Тут и кресла, тут и шикарные наборы трубок — несколько видов, и кальяны, и что пожелаешь... сугубо мужское гнездо. Мия принялась осматривать шкатулки.

Одна, вторая...

А вот эта — из палисандра. Это она уже могла отличить, пожив в доме купца. Еще как могла. Да и перламутром крышка была только у нее выложена.

Мия хозяйственно открыла ее, убедилась, что трубки на месте, закрыла и забрала. Пригодится.

Что еще себе забрать?

Да как-то ничего особенно и не нужно. Разве что книги какие в библиотеке посмотреть? И нет, Мия не боялась, что ее потом уличат в краже или убийстве. Во-первых, не факт, что кто-то знает все унаследованное имущество наперечет.

Во-вторых, дан Дуранте распродал наследство своего двоюродного деда по всем лавкам. Можно сказать, что она его купила.

Добычей Мии — так, сувениром для девочек, — стали два шикарных молитвенника и четыре книги с легендами и преданиями. Все великолепно выполненные, в инкрустированных переплетах, с потрясающими иллюстрациями, явно нарисованными вручную.

Не книги — произведения искусства.

Что ж. Мия, считай, их спасает. От огня и гибели. Можно собой гордиться.

Джакомо, видя добычу племянницы, не сильно удивился. Разве что...

— А трубки тебе зачем?

— Незачем, — фыркнула девушка. — Мне шкатулка понравилась. Я в ней гребешки хранить буду, те свои, с инкрустацией перламутром. А трубки... Не выкидывать же?

Джакомо кивнул и отвязался. Ему было не до того. Удав распорядился погрузкой самого ценного.

Ну да.

Мало прийти в дом. Надо ж еще определить, что из него забрать! А кто будет определять?

Белка, который как был трущобной крысой, так и остался? Сам Комар?

Ладно... последний уже вырос до размеров ну очень крупной крысы, но в хороших вещах он разбирается плоховато. Это Джакомо, как купеческий зять, отлично знает цену и одного, и второго, и третьего... да, хорошо, что Мия сообразила. В библиотеку тоже бы наведаться. Иные книги сейчас по весу в золоте стоят, а то и по два веса.

А времени мало, так мало...

Джакомо прямо-таки мучения испытывал, глядя на то, сколько всего придется оставить. Но рисковать не стоит.

Это — дан.

Скажем честно, если так получилось, пришел пьяный, свечу столкнул, та загорелась... это — одно. Тут стража попыбует закрыть глаза на происходящее, особенно с некоторой смазкой. Пожар ведь! Кто от такого уберезется?

А вот если найдут особняк с трупами... э, нет! Тут уж снисхождения не жди. Дойдет до короля, тот из принципа прикажет найти негодяев и кишки им размотать. А дойти может.

Это кому-то может показаться, что в столице все сидят за своими заборами и соседей не видят... Как же ж! Первыми вернутся к родному дому псы. Начнут скулить, проситься домой, их никто не пустит, они взбудоражат соседей... это еще хорошо — соседские собаки молчат. Ну, так привыкли.

Если собака начнет на каждый шум у соседа лаять или выть, ее просто пришибут рано или поздно. Ты

знай свой двор береги. А в чужом пусть хоть голяком по крыше ходят — их дело.

Но выть собаки точно начнут. На такое число покойников-то...

Потом еще молочник, мясник, зеленщик...

Это кто попроще идет на рынок и там закупается. Стоило дану Дуранте разбогатеть, как он приказал доставлять ему все на дом.

Он же ДАН!

Ему так положено!

То, что он только и может, что наследство прожигать, что сам он на редкость бесполезное существо, что толку с него меньше, чем с тех собак...

Да вы что?!

Благородные даны — опора трона! Правда, вот эта конкретная опора кроме карт и костей ни в чем интересном замечена не была, но мало ли что? Может, и такое трону пригодится?

Нет, рисковать и оставлять особняк запертым хоть на один день попросту нельзя. Так что тащим, что можем, а остальное подождем.

Вынести тела, а особняк запереть? Мол, уехали куда?

Нереально. Кровь не замоешь, следы не спрячешь. Да и родственники понабегут. Это у кухарки родня в деревне, а у других-то в городе!

Так что...

Грузим, ребяташки, не стесняемся! Грузим!

* * *

Дома Мия уселась перед зеркалом.

Перед зеркалами.

И медленно, очень медленно выдохнула, словно отпуская себя на волю. Приказывая разжаться ледяным тискам внутри.

Сегодня, именно сегодня она стала убийцей.

Для самозащиты не считается. А вот когда по ее вине — себе врать не надо! — именно по ее вине погибли эти несчастные...

Комар все равно нашел бы тропинку в особняк?

Джакомо придумал бы другой план?

Да, безусловно. И Мия осталась бы неиспачканной. Наверное...

А может, они и отступились бы, понимая, что добыча им не по зубам? Мия об этом никогда не узнает. Никогда...

Потому что она виновата.

Она пришла, она открыла двери, она... она убила своими руками.

Снова накатили воспоминания о том, как кухарка бьется на убогом ложе и подняться не может, потому что она уже умирает, она просто не осознала эту смерть, а вокруг кровь, красная, и руки у Мии тоже по локоть в крови...

Почему это произошло с ней?!

За что?!

Чем она таким успела нагрешить?!

Мия тихо застонала. Почему-то даже кричать сил не было, горло стиснуло, словно клещами. Почему, ну почему в ее возрасте даны учатся вышивать и молиться, ждут предложения от будущего супруга, ходят в храм... и все, пожалуй.

А она?

Как получилось, что ее жизнь превратилась вот в это?

С другой стороны... она бы хотела иного? Она бы хотела тишины, покоя, уюта... и чтобы вышивка и молитвы, хозяйство и дети, и так день за днем, день за днем, а потом смерть, которая приходит, словно избавление от затянувшегося кошмара?

Нет. Такого она для себя не желала...

Она не сможет, не сумеет. Еще тогда, когда умирал отец, она приняла все как должное. Она все взяла